

ПОЭТИКА ИМЕН В БЫЛИНАХ

Н. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Собственным именам и географическим названиям в эпосе посвящена обширная исследовательская литература. Интерес к ним всегда определялся поисками исторических прототипов и конкретных данных для установления происхождения эпических героев и исторической основы сюжетов. Особенно много внимания личным именам и географическим названиям как приметам и знакам эпохи уделяется в работах представителей исторической школы (Вс. Миллер, М. Халанский, Н. Дашкевич, А. Марков, Б. Соколов и др.). В многочисленных статьях о происхождении имен богатырей строятся и аргументируются самые различные предположения об их историческом или заимствованном характере¹. Предпринято также много попыток произвести точную локализацию географических названий русского эпоса.

В современной советской фольклористике в связи с изучением исторического содержания русского эпоса² и его типологических связей с фольклором восточных и южных славян³ уделяется внимание категории собственных имен. Интересные выводы о происхождении имен и географических названий в былинах с привлечением большого материала по истории и устному поэтическому творчеству приводятся в работах М. М. Плисецкого «Историзм русских былин» и «Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса»⁴. Однако при всей глубине сопоставления многочисленных исторических, литературных и фольклорных данных вызывает недоумение сама постановка вопроса о том, что былевой

¹ А. И. Соболевский. Имена в великорусских былинах.— XV раздел в раб. «Материалы и исследования». — Сб. Отд. русского языка и словесности, 1910, т. 88, № 3; Б. И. Ярхо. Илья-Илиас-Хильтебрант. Изв. ОРЯ и С., 1917, т. XXII, кн. 2; A. Mazon. Svjatagor au Saint-Mont le geant.— Revue des études Slaves. 1932, t. XII, f 1—2.

² В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955; изд. 2, ГИХЛ, М., 1958; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. Изд. АН СССР, М., 1963; В. П. Анкин. Русский богатырский эпос. Изд. «Просвещение», М., 1964.

³ Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос, М., 1961.

⁴ М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962; Его же. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса, М., 1963.

герой списан с исторического лица (среди исторических личностей по имени Чурила отыскивается «лицо, с которого был списан былевой Чурила»⁵).

Обращает на себя внимание противоречивость результатов изучения генетических связей и исторических прототипов разными исследователями. Это неизбежно потому, что былины в длительном процессе своего образования и развития сопрягались с новыми историческими явлениями и обобщали их не в индивидуальных, а в эпических образах. На употреблении имен и географических названий сказались особенности историзма былин: не столько конкретно-фактическая их определенность, сколько историческая точность народных оценок, верность осмысления и переживания народом этапных моментов своей жизни.

Исторический комментарий к тому или иному имени героя и поиски его прототипа — это лишь одна сторона дела, и она не решает вопроса о художественности самого поэтического произведения, историчность которого шире и глубже, чем непосредственный отклик на отдельные факты.

Некоторые исторические доминанты имен и географических названий былиной донесены, другие утрачены и заменены общеэпическими обозначениями, но те и другие играют в ней также художественную роль, выполняя в ней эстетическую функцию. Осмысленная субстантивность имени и ее толкования связаны в былине с идеями и образами героического эпоса, с его художественной установкой на героичность и идеализацию богатырей.

За личным именем в былинах встает более или менее определенно начертанный художественный образ, тесно связанный с характером конфликта былин. Стремление понять былины как поэтическое словесное творчество вызывает необходимость изучения художественной функции собственных имен и их образного выражения.

Эпос придает большое значение поэтике имен. Былина не знает безымянных героев. В постоянстве имен героев, участвующих во многих былинах, проявляется господство типического над индивидуальным. Образ богатыря и его имя наиболее тесно слиты, и, как правило, постоянны в различных районах бытования русского эпоса и у разных сказителей. При соблюдении былинной традиции имена главных героев не варьируются. Собственно именные возможности дополняют представление о герое и о народном отношении к нему. Большое художественное значение имен как выразительной черты былины проявляется в частности и в том, что при первых попытках вовлечь образы богатырей в литературу, когда коренной переделке безжалостно подвергались их характеры и поступки, когда жанр и стиль устного произведения приобретал черты волшебного-рыцарского повествования, — имена главных героев непременно сохранялись в своем народном значении. Из литературной обработки В. А. Левшина (богатырский цикл «Русских сказок», 1780—1783) еще

⁵ М. М. Плисецкий. Взаимосвязи..., с. 165.

в 1804 г. имена Чурилы, Василия Буслаева стали известны по переводам европейскому читателю⁶.

Народное творчество проявляет большое мастерство и художественное чутье в создании и употреблении собственных имен, которые играют в былине роль имен-характеристик. Для создания и усиления характеристичности имени используются величальные формы, экспрессивные именные образования, звукопись и народная этимология.

Характеристическое значение имени особенно отчетливо выступает в величальной форме. Имеющий реальную основу в древнем русском быте и выступающий в былине как один из художественных компонентов, обычай величания приобрел важную стилизовую роль и значение «авторской» оценки в характеристике персонажа.

Известный оценочный элемент заложен уже в именных возможностях русского языка. Как свидетельствует В. Даль, наименования по отцу имеют различную степень почета: на *-вич*, *-ич*, *-вна*, *-ична* — почетны, а само слово «отчествовать» означает отблагодарить почетом, «отчестливый» — учтивый, вежливый⁷.

Славословие и оценка героя через соответствующую форму имени свойственны многим жанрам фольклора, но особенно характерны для народной величальной песни⁸.

Невеста «обзадарилась»

*Да что на молодца-то
тароватого*

Да именем-то изотячеством

Да свет Иван-от Егорович.

... (Песни Кар. Поморья, 371)

Сборы, сборы у Марьи души,

Сборы, сборы у Михайловны.

(Б. и Ю. Сок., 337)

Да что услышал эту похвальбу

Удалой добрый молодец,

Да Александр Свет Иванович.

(там же, 161)

Да тут сидел ле добрый молодец

*Да что по имени Иван-от
молодец*

Да по извотчине Иванович.

(Песни Печоры, 117)

В величальных свадебных и календарно-обрядовых песнях роль имени типологически близка эпической идеализации героя через особую форму его имени. В былине по сравнению с величальными песнями употребление соответствующей формы имен разнообразнее и всякий раз определяется ситуацией: при славословии и похвальбе, при обращении на пиру, при получении задания, при обращении к матери и жене, при обращении к товарищу по оружию, во время посольской миссии и т. п.

Особенно часто звучат они при обращении к герою: «Теперь будь-ко ты, Илья, ды ты по имени Ищели будь-ко ты, свет да Муромец, Илья Муромец да свет Ивановичь» (Григ. I, 8); «Ах ты, ей, Добрыня сын Никитинич!» (Гильф. 148); «Целовала во уста во сахарные: «Муж ты мой любезный, молодой Добрыня Никитиничь!» (Рыбн. 129); «Досюль Добрынюшка матушке говаривал: «Свет государыня, матушка, честна

⁶ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. Учпедгиз, М., 1956, с. 66.

⁷ В. Даль. Толковый словарь русского языка, т. II, М., 1955, с. 724.

⁸ Источники текстовых цитат с указанием номеров былин и песен приводятся сокращено. Список сокращений на с. 33.

вдова Мамельфа-Тимофеевна!» (Рыбн. 129). Волх, обращаясь к матери, говорит: «А и гой еси, государыня матушка, молода Марфа Всеславьевна!» (Кириша Данилов, 6).

Величание в именах подчеркивает значительность образа героя, акцентирует на нем внимание, служит средством идеализации, то есть выполняет характеристическую функцию. Имена звучат празднично и придают особую законченность словесному выражению, в них реализуются умело найденный ритм, интонационно-ритмический характер повествования. Подобно тому, как изготовленные умельцами древности простые вещи за их украшенность назывались «узорочьем»⁹, — имя в былине украшает героя, выполняя в своей величальной форме роль узорочья: «Спровожатто его да молода жена, Ишша та же Катерина свет Видуловна» (Григ. II, 22); ... «Говорит любезной невестушке молодой Наталье Никуличной» (Рыбн. 129). Имя в величальных песнях, выполняя характеристическую идеализирующую функцию, является «поэтической внешней прикрасой», — так когда-то Ф. И. Буслаев, правда в другой связи, назвал эпитет «красное солнышко», слитый с образом Владимира столыпинского¹⁰.

Выразительность величания, будучи достижением поэтики имен, используется в общей системе художественных средств быliny. Эстетическая роль величальных имен настолько ярка и содержательна, что определяет форму поэтической идеализации безотносительно к имени: «Вплетено по перышку орлиному, орла орловича Сибирского» (Рыбн. 184).

Дань величальным именам согласуется с ролью героя в сюжете. Например, «Бермята да сын Васильевич» величается так повсеместно и через интонационно-звуковой рисунок величания предстает степенным и важным героем, чья честь оскорблена неверной женой. Имя данного героя менее устойчиво и имеет варианты, но в той же форме: *Бермяга сын Васильевич* (П.-С. 1), *Бермяторь сын Васильевич* (Сок.-Чич. 234), *Безмер Васильевич* (Гильф. 8), *Вельма сын Васильевич* (Рыбн. 162, Сок.-Чич. 205), *Пермята сын Васильевич* (Б.С. 6), *Перемет Васильевич* (Б.С. 16). Мало удачный перенос имени — Ермак — *государь Васильевич* (Сок.-Чич. 51).

Отрицательный смысл приобретают величальные имена при обращении к врагу; они несут в себе оттенок иронии и насмешки: «Ай же ты, гагара безногая, молодой Тугарин сын Змеевич млад» (П.С. 5). Такой же смысл имеет обращение к вражескому предводителю: «Ай же ты, Батыга сын Сергеевич! Дай-ко ты мне силы сорок тысячей, Я пойду-подступлю под славен Киев град! На те речи Батыга обнадеемся» (Рыбн. 194). Именные видоизменения и общий смысл высказывания превращают форму величания в бранное выражение, полное чувства враждебности, презрения и уничижения: «Курган-царь да Самородович (Григ. II, 10) или «Мария Подоленка дочь Лиходеевна — она была курва, лукавая» (Рыбн. 166).

⁹ В. А. Рыбаков. Искусство древних славян. — В кн.: «История русского искусства». Под ред. И. Э. Грабаря, т. I, АН СССР, 1953, с. 233.

¹⁰ Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос, М., 1862, с. 112.

Иногда эта форма используется для косвенной характеристики говорящего. В былине об Идолище величание врага выполняет функцию отрицательной характеристики вероломной Апраксии. Она укоряет богатыря: «*Деревенищина ты, засельщина, разлучил меня с другом милым, с молодым Змеем Тугаретиным*» (Кирша Данилов, 20).

В величании реализуется важная особенность поэтики имен, тесно связанная с исторической действительностью и живой жизнью народной речи, — характеристика посредством резкого разграничения добра и зла. Здесь также действует закон симметрии, свойственный всем видам народного искусства. Отсюда равносложность и непосредственная прямо-противоположность оценок через имена.

Подобная закономерность развития образности обнаруживает себя и в экспрессивных именах, созданных с помощью уменьшительно-ласкательных или увеличительно-пренебрежительных суффиксов.

Как и величание, экспрессивно-суффиксальные формы имени способствуют художественной оценке: эмоционально-оценочное имя усиливает художественное впечатление, влияет на понимание самого образа. Богатство суффиксальных образований в русском языке используется в именах героев былин и их противников, через них выражаются патристические чувства, этические и эстетические представления народа. «Обилие ласкательных и уменьшительных форм, отмечает В. Я. Пропп по отношению к общему лексическому составу былин, — одно из проявлений народного гуманизма, способности к мягким и добрым чувствам по отношению к тем, кто эти чувства заслуживает. Соответственно гнев народа, его неодобрение, ненависть и насмешку выражают уничижительные формы, возможности которых в русском языке также достаточно богаты и красочны»¹¹.

Употребление уменьшительно-ласкательных форм носит характер особой сказительской пристрастности, показательны эти формы и для эпической традиции в целом, они часто придаются личным именам. Такие имена просто и естественно передают «авторскую» оценку и близость сказителя к герою, усиливают народность и демократичность образа: «*Как славный российский богатырь, это Ильющенька Муромец*» (П.С. 40), «*А еще ведь ты Ильюнюшка да жив ведь есть*» (Гильф. 57); «*Как к Илюхе не к лицу пришло*» (Сок.-Чич. 61, 62; П.С. 37). «*Да поехал бы Илеюшка да во чисто поле*» (Григ. II, 23, 84, 76), «*Снарядился Илейко скоро-наскоро*» (Б.П. и З.Б. 43), «*Говорил тут Илейка таково слово*» (Григ. II, 91), «*Тут Дунаюшку славы поют*» (Вс. М. 63). Эмоционально окрашенные личные имена содействуют общей идеализации героя: «*Ай, как у меня, Добрынюшка, был отпущен белым бело, как белым белой да белешенек, ай как белешенек, румянешенек*» (Гильф. 210). Родственные и возрастные отношения определяются через соответствующие формы имени: Пленчище Соражанин называет Чурилу «*тут-то мой любимый сынишка Чурилченок*» или «*Чурилушка*» (Рыбн. 168).

Чувство художественного такта подсказывает сказителям употребление ласкательной формы собственного имени как выражения соответ-

¹¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2, ГИХЛ, М., 1958, с. 531.

вующего отношения лишь в подходящих ситуациях. В разговоре с матерью: «*Ты возьми мою Чадидочку Часовенную*» (Гильф. 282), — просит мать о дочери; при разговоре с младшим по возрасту и богатырскому опыту героем: «*Отправлялся тут Иванушка Гоудинович*» (Григ. II, 63), «*Молодой Иванушко да Гудинович*» (Рыбн. 145), *Сокольник* (*Сокольник, Подсокольник*); при насмешке или презрительном отношении: «*Как этот Олешка Попович-то*» (Сок.-Чич. 63).

Употребление имен в уменьшительной форме часто обнаруживает социальную определенность героев. Так называют в былине лиц, относящихся к социальным низам: «*Ефимка слуга Паромок*» (Рыбн. 195), *девка Чернавка*, «*Черनावушка верна служаночка*» (Рыбн. 204), «*дворова девка Челягична*» (Гильф. 132), «*Черनावушка ведерушка взяла*» (Б.С. 14), или «*Мила служка, Панютушко*» (Сок.-Чич. 46), «*Васенька Маленький, Потанюшка Хроменький*» (Григ. I, 3), «*Васька Белозерянин*», «*Васька-Пьяница*» и к «поэзии бунта»: *Васька, Васютка, Васильюшка. Буслаевич* (Кирша Данилов 10, Рыбн. 46, Сок.-Чич. 5, 14). Такую же функцию выполняют краткие имена рядовых дружинников в «Житие Александра Невского» (XIII в.), — явление редкое в древнерусской литературе, которая вплоть до XVII в. не знала «открыто вымышленного героя»¹².

Именем в ласкательной форме, в его различных вариациях, назван в былине и верный друг героя — богатырский конь. Наряду с «материализацией» в имени объективных качеств коня (быстрота бега, масть) находит выражение и субъективная оценка через суффиксацию, повтор собственного имени и его интонационное выделение в строке: «*Добрый конь Тучападушко*» (Рыбн. 110), «*А малешенок твой конечек Голубанушко удалешенок*» (Марков 81), «*Бурушка Косматьевич*» (Гильф. 168), «... *Три коня то добрые сив Воронко, Полонко да Сивогриз жеребец*» (Сок.-Чич. 275). «*Он седлал, собирал своего все Белеюшка, снарядил скоро своего доброго*» (Марков 43).

Уменьшительно-ласкательным формам резко противостоят увеличительно-пренебрежительные имена, которые в момент названия определяют отрицательную характеристику врагов: «*Царицо Кашерицо*» (Гильф. 79), «*Поганое Идолице, царицо-то неверное*» (Марков 43); «*Змееще-то Гутарище*» (Марков 47), «*Царицо да Кудреваницо*» (Григ. т. II, 19), «*Царицо большорослое*» (Григ. II, 25), «*Подошел он к Полянитишу удалою*» (Гильф. 87), «*Горынице проклятое*» (Гильф. 78), *Кудрянищо* (Рыбн. 200), *Издолице* (Сок.-Чич. 248), *Неодолице* (Б.С. 212), *Иванище* (Киреевский, IV, стр. 8), *Андронищо* (Сок.-Чич. 136).

Полнота характеристического значения подобных имен для устной традиции настолько велика, что иногда вытесняет само изображение врага, картина домысливается слушателем, вырастая из номинативного образа:

*Из-за моря бы, моря, моря синего,
Из-за поля бы, поля, поля цистого*

¹² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Изд-во «Наука», М., 1970, с. 108.

*Подымаится собака царь Баканишишо,
Ииша хоцет бы взять да красен Киев град.*
(Григ. II, 25).

Создание уничижительных имен-прозвищ опирается на народное мнение, выраженное в пословицах *«Слово не обух, а от него люди гибнут»*, *«Слово пуще стрелы разит»*. Значение отрицательной характеристичности таких имен усиливается слитностью с ними постоянных эпитетов: *«Поднимался вор-собака Кудреванко царь»* (Григ. II, 91), *«Тугарище-Югарище поганое»* (Онч. 26) и их объединением, выступающим в роли повтор-усиления: *«Подымалась силушка зланеверная Калина царь Тугарина»* (Гуляев, с. 144) или *«Турканин собака царь Калин»* (Б.С. 123).

Вражеский предводитель в былинах героического содержания прежде всего назван, в имени уже запрограммирована определенная номинативная его характеристика. Многие имена сохранили историческую содержательность, прочно соединив с именем исторические переживания и представления, которые воскрешаются в народной памяти и вызывают определенное отношение к персонажу при каждом упоминании такого имени. Историчность таких имен не столько в их точном названии, сколько в историчности народной оценки. Это подтверждается и выводом, который сделал В. Я. Пропп: «Имена Батыя, Мамаю и Калина взаимозаменяемы, и роль этих предводителей в эпосе совершенно одинакова»¹³.

Исторические имена в устном творчестве получили поэтическую разработку через «звукопись» и народную этимологию. Представляя собой первичный синтез истории, реальные имена живут в народной памяти в ассоциативном звуковом и этимологическом толковании.

Как искусство устного слова, рассчитанного на слуховое восприятие, былина дает примеры звукового решения образа-имени. В имени Тугарина отзвук половецкого имени *Тугоркана*. Батый выразительно звучит в *Батыге*, в *Бутьяне*, в *Батуре*, в *Абатуе*. Враждебность лица усиливается звуковыми повторами: *Батыга Батыгович*, *Батура Батвеевич* (Гуляев 4), *Батай Батаевич* (Крюкова 2).

С ужасом и презрением произносит былина имена врагов, подчеркивая в звуковом составе чуждого для слуха русского человека имени что-то общее всем им, врагам-насилъникам, злоеющее и страшное. Во главе вражеских отрядов стоят *Коньшак*, *Коньшук*, *Коньшичек*, *Киришк*, *Куршик*, *Курыжан*, *Коршак*, *Миришк*, *Курла-царь* и т. п.

Народно-этимологические имена в былинной поэме имеют большое художественное значение. Они появляются и развиваются в общем процессе образного творчества, который охватывает лексику различных жанров фольклора и использует разнообразные оттенки народного языка.

Этимологическое имя-образ, с точки зрения психологии устного творчества, не отличается по мыслительному и чувственно-конкретному образу от освоенной действительности от слова-образа. Напри-

¹³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2, с. 312. Эту же точку зрения проводит в сравнительно-типологическом исследовании Б. Н. Путилов в кн.: «Русский и южнославянский героический эпос». М., 1971, с. 118.

мер, в песне слово-образ «повалуша» — спальня: «Как за горницей, за повалушею, то не гусли ли рокочут, не свирель ли говорит...» (Соборовский, II, 615, 617); или в другой лирической песне: «Да пришло с миленьким дружкой расставание, слезно уливание» (Песен. фольклор Мезени, 78). Параллельные примеры словотворчества дает и жанр причитаний. «Нам было... а зло кореньице де изголовьице, окуточка — нам сине обложко» (Рус. нар. быт. лирика, 32); «Как пришла я мать-горюшица на могилку на родительську, на шукавку человеческу» (там же). Новые яркие обозначения, основанные на народной этимологии и использующие эвфонический эффект, часто встречаются в загадках. Приведем типичный пример из новых местных записей русских загадок: «Сухой оболмут весит пуд» (на основе загадки о безмене «Сам худ, а голова с пуд»). Жанр сказок отразил в одном из нехитрых сюжетов (Аарне-Андр. 1687) сам процесс новообразования собственных имен — этимологий в фольклоре: «Подумай, лучше, не придет ли тебе имя на вум. — Аа! А вот Навум, Навум и есть». Ср. в сказке о Лисе и Иване Котофеече (Аарне-Андр. 103): «стали свери звать лису не лисой, а Са-хариною» (Загадка и сказки из Архива ф.т. 1960, Зарас. — 105).

Народная этимология, являясь одним из средств создания имени-образа, проясняет его субстантивное значение. Сила и опасность вражеских войск прежде всего выражена тем, что у Батыя одним отрядом командует «сын Коршун», во главе войск стоит «вор Скурлык» (мрачный образ последнего усиливается параллельным сравнением со скурлыком — «не скурлык в поле подымается»). Перевод в реальный план, когда оно выступает в своем прямом, непосредственном смысле, и породил такие названия врагов: «Неодолище, преогромнейший» (Б.С. 125), Коршун (Григ. II, 40), Каин-царь (Рыбн. 141), Идол (Григ. I, 54), Идойла (Б.П. и З.Б. 83), Змей Горыныч — «хозяин гор», Тугарин (Туги горы)¹⁴.

Параллельно происходит превращение нарицательных имен в собственные на основе их семантики. Так, в Пинежском варианте былины о Добрыне смысл принудительного сватовства за Алешу усилен страшным именем другого возможного жениха: «Она (мать Добрыни) силой отдает да ей неволю: — Прилетит корольиши да черногрудое, Увезет он тебя да от меня-то ведь» (Григ. II, 73). Ср. мотив принуждения в Пудожском варианте выражен тоже угрозой: «Я тебя постригу Настасью во старицы» (Рыбн. 155).

Этимология имени соответствует образу, что позволяет имени выступать в художественной роли эпитета. Святогор — это такой огромный богатырь, которому «грузно от силушки»:

То бе силушкой Добрынюшку породила
Да й во слава Святогора во богатыря.
(Гильф. 80).

¹⁴ Архаические черты в этом имени и образе вскрыты на восточнославянском материале Б. Н. Путиловым в кн.: «Русский и южнославянский героический эпос». М., 1971, с. 61.

Само имя создает впечатление об огромной силе героя. Народное толкование имени содержит зрелищный элемент и вполне совпадает с выводом исследователя: «Спящий, дремлющий, огромный Святогор — это образ силы неподвижной и не находящей применения. Никаких подвигов Святогор не совершает»¹⁵. Именно так определяют героя и сами сказители: «Святогор-богатырь на Святых горах» (Гильф. 66).

Убедительное разъяснение этимологии имен приводится В. Я. Проппом еще в нескольких случаях: о хозарском происхождении имени Козарин, которое соответствует безродности и даже чужеродности богатыря¹⁶, имя Калин-царь восходит к тюрко-татарскому «калын» — жирный, тучный, глупый¹⁷.

Благодаря народной этимологии имя включает в себя также психологическую и социальную характеристику, вызывает ясные смысловые ассоциации, определяемые характером конфликта и типологией героев. Здесь обнаруживаются общие эпические закономерности, отмеченные при рассмотрении величальных и экспрессивно-суффиксальных имен — их симметричность и парность. В этом отношении показательны собственные имена в былине о Хотине.

Хотен, Хотей (Рыбн. 105) по предложенной Вс. Миллером этимологии, — «желанный»¹⁸. Такое объяснение можно подтвердить его соответствием характеру героя и привести дополнительные наблюдения¹⁹: в народном обиходе Хотен — охотник до чего-либо, хотеньки — желание. Эти основополагающие для данного имени слова отмечены в словаре В. Даля.

Пара героя (Хотена) — Чайна — этимологически восходит к слову чаять — надеяться, уповать. В. Даль, раскрывая этимологию этого слова, приводит строки из народной песни со свадебной тематикой: «Девка хороша — взял бы за себя, да поп не венчает, за сына чаёт»²⁰.

Бытовой характер конфликта подсказывает возможность включения элементов живой разговорной речи, в том числе, помимо этимологических имен — обиходные: Фатенко, Фотей, Котенко, Горден, Офимьюшка, Авдотьюшка; дихотомически подсказаны имена Хотинушка — дочь Устинушка (Гильф. 126).

Имя матери Чайны — «Часовая вдова», «Чесовая жена загордерелася», «Авдотья Чесова жена» (Кирша Данилов 17) — по своему значению связано со словами «час», «чин», «читать», то есть чинная, почестная, почтенная. Действительно, героиня былины принимает решения в соответст-

¹⁵ В. Я. Пропп. Изд. 2, с. 78.

¹⁶ В. Я. Пропп. Изд. 2, с. 159.

¹⁷ В. Я. Пропп поддерживает толкование, предложенное О. Янзеном, — Slawia, т. XVII, вып. 1—2, 1939, с. 82—89. Русский героический эпос. Изд. 2, с. 312. Объяснение имени Калин (Галин) — царь как «обычной народной этимологии имени Каина (Калин есть «преобразование имени убийцы Каина»), высказанное в качестве предположения В. П. Аникиным, не согласуется с явно иноземным фонетическим рисунком слова «Калин». Вероятнее все же привнесение в былины имени Каина-царя было вторичным, вызванным влиянием певцов духовных стихов. Употребление этого имени очень ограничено. См. В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. Изд. «Промышленности», М., 1964, с. 109.

¹⁸ В. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I, М., 1897, с. 220.

¹⁹ В «Слове о Полку Игореве» жена Всеволода — Глебовна названа «Милые хотя».

²⁰ В. Даль. Словарь русского языка. Т. IV, М., 1955, с. 585.

вии со своим именем и живет по пословице «*Чин чина почитай, а меньшей садись на край*». Ее противница — мать Хотена и «*Блудова жена*», характеризуется «низким» происхождением²¹.

Противопоставление выражено и в этимологической парности имен: «*Первая вдова была Садовая, другая — Огородникова*» (Рыбн. 207), что подготавливает (а часто и заменяет собою) раскрытие сущности конфликта: «*Мы есть роду богатого, именитого, именитого роду Княжецецкого. Вы есть роду нищетного, кошельчата*» (Рыбн. 105).

Именная социальная и психологическая характерность, выраженная посредством народной этимологии, используется в целях сатирического и комического изображения. Как «смеховую образность» можно рассматривать приведенные выше имена некоторых женских персонажей былин. К поэтике осуждения и осмеяния надо отнести имена с негативными социальными характеристиками, выраженными в имени-образе. Таковым выступает в определенных сюжетных ситуациях *Алеша (Алешка, Алешенька)* с характерным отчеством *Попович* (Сок.-Чич. 63 и мн. др.) и в особенности — братья *Долгополые, Гаврила Долгополый, «Два брата Долгополые»* (Григ. II, 91, Марков 81, 94, Онч. 26, Б.С. 86 и др.). Они осуждаются за «похвальбу», им нельзя поручить ответственное задание: «*А то Васька ль да Долгополый есть, за длинны полы запинается, по княжецкому двору да он валяется*» (П.С. 2) или «*Фома Долгополый — беда зевать, прозевает богатыря в чистом поле*» (Рыбн. 199).

«Долгополые» — старинное народное обозначение феодалов. В древнерусской живописи подобное обозначение представителей господствующих классов также нашло отражение. Как установил А. В. Арциховский, «крестьяне и вообще представители социальных низов лицевых летописей отличаются от знати короткими одеждами»²². На одной из миниатюр Кенигсбергского списка начальной летописи «резко и сознательно противопоставлены восставший смерд в коротком кафтане, вооруженный простым рабочим топором, и долгополый феодал... с обнаженной саблей»²³. Подразумеваемая связь имени «Долгополые» с духовенством приводит к тому, что в былине выразительный образ, встающий за именем, определяет изменение в отношении к герою и к обстановке действия (пир заменяется «беседой» у дьякона (Киреевский, II, 66).

Выступая как опорные слова в понимании самого образа, народно-этимологические имена в момент творческого акта, то есть во время создания и исполнения былины, не только определяют героя, но и характеризуют через его поступки. Поэтическое мастерство позволяет придать имени зрелищную яркость и фабульность, в известной мере расширяющую строгие границы сюжетной площадки устно-эпического произведения с его единым театром действия и «однолинейным» временем. То, чего не может сделать былина в своем повествовании (перенестись в прошлое героя, охарактеризовать его одновременно в различных си-

²¹ Анализ сюжета и героев былины в кн. В. Я. Проппа «Русский героический эпос». Изд. 2, с. 427—442.

²² А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, с. 192.

²³ Там же, с. 37.

туациях, развить несколько сюжетных линий и пр.), можно домыслить на основе максимально сжатого высказывания в его народно-этимологическом имени. Когда вместе с другими богатырями на заставу зовут «А да Рошшу, Рошшу-Рошшиби колпак да со племянником» (Марков 81, Крюкова 2), мы можем картинно представить его роль в предшествующих и будущих возможных событиях. Когда Михаила Потык едет к царю, которого именуют *Налет Налетов* (Рыбн. 166) или когда, как указывалось выше, угрожает отдать дочь в жены насильнику — «ко *королищу Черногрудому*» или когда богатырю «*грозит зауерозою*» Невезжин (Рыбн. 200) или враг по имени *Невежа* (Рыбн. 193), тогда из семантики имен вырастают возможные дополнительные сюжетные ситуации, и характеристическая функция собственного имени обретает активность, раскрываясь не атрибутивно, а в действии.

Народное толкование сюжетной роли героя вызывает варьирование собственных имен: наряду с именами *Латыгорка*, *Латынгорка*, *баба Горинычка* (Кирша Данилов 50), *Златыгорка* (Онч. 1, В.С. 79), *Семигорка* (Соч.-Чич. 144), *Святыгорка* (Григ. 93), *Салыгорка* (Григ. III, 4), *баба Латымирка* (Рыбн. 199) и т. п. встречается — *Мамашина*. Последнее имя образовано путем осмысления сюжетной роли персонажа: могучая поляница выступает лишь как мать враждебного наездника — *Соколынька*. Подобное же изменение происходит и с именем княжеской дочери или племянницы *Запавы*, *Забавы Путятинны* в былинах о Соловье Будимировиче и о Ставре. Бытовые варианты имени: *Офимьюшка*, *Авдотья-племянница*, *Яннушка Путятинна* (Б.С. 67) и создаются народно-этимологические имена: *Любавушка Забавушка* (Гильф. 53, 68), «*Любовь да Забависьна, великая ты нунь да забавница*» (Сок.-Чич. 43), «*Едина дочь — Лебедь Белая*» (Рыбн. 207).

Сюжетная роль определяет народно-этимологические имена и в тех случаях, когда морской царь в былинах о Садко назван — царь *Поддонный* (Рыбн. 107) и даже Добрыня свое умение играть на гуслях, сослужившее ему помощь в благополучной развязке действия, иногда реализует в собственном имени: «*А заходит Добрынюшка к своей матушке, называет себя да Скомороховым*». (Григ. II, 305).

Тесная связь имени и сюжета приводит к тому, что имена и их этимологические варианты прочно закреплены за определёнными сюжетами. Когда в процессе бытования встречаются случаи переноса наименований: вместо *Калина* — *Идолище* (Марков 81, Онч. 20, Б.С. 12 и др.), то вместе с именем переносятся и облик героя, и его поступки.

Таким образом, собственные имена посредством народной этимологии усиливают свою характеристическую функцию. Они могут выражать и отношение к герою, и архаичность его происхождения, и психологическую — реже социальную — сущность, и даже роль героя в сюжете.

Эстетическая функция географических названий в былинах по сравнению с собственными именами имеет свои особенности. Их внешне чисто служебная по отношению к сюжету роль — назвать место действия, придать топографическую и локальную определенность всему, что воплощает замысел быliny — обнаруживает в себе широко используемую фольклором возможность высказать конкретно-исторические пред-

ставления о Родине, ее прошлом и настоящем, в детальном и укрупненном плане, где умещаются и самые отдаленные в пространственном и временном отношении места, и свои, близкие, родные.

Образ, встающий за географическим понятием, должен обладать способностью, не разрушая художественного вымысла, войти в эпический мир былины как историческая реальная конкретность, непосредственно связанная с идеей произведения. Этот образ в длительном процессе развития эпоса может утратить точную историческую конкретность, превратиться в эпическое название или замениться другим, но определяющая его присутствие связь с идеей былины остается.

Своеобразие народной географии определяется не искажением, а сохранением наиболее важного и осмысленного в своей исторической значительности.

Характеристическая роль географических названий обнаруживается при соотношении их с идеей и конфликтом былины. В. Я. Пропп, исследовав историческую основу упоминания русских городов в сюжете о Василии Буслаеве, приходит к выводу об идейной направленности всей былины: «Упоминание трех городов: Новгорода, Пскова и Москвы, драгоценное историческое свидетельство и важный материал для понимания фигуры отца и для понимания всей былины. Слова *«с Новым городом не спаривал»* означают, что он никогда не находился в оппозиции правящей верхушке... Отец Василия Буслаевича изображается стоящим в стороне от борьбы с Псковом... Наконец, слова *«со матушкой Москвой не перечился»* являются откликом на борьбу Новгорода с Москвой. Буслай проявил покорность по отношению к Москве, подчиняясь необходимости..., его сын окажется сторонником Москвы и врагом Новгорода, с которым он будет вести борьбу»²⁴.

Реальные географические названия, безразлично, связаны ли они с данным сюжетом по происхождению или привнесены во время векового развития и бытования эпоса, имеют большое художественное значение: они создают образ могущественной и обширной родины. В былины вовлекаются названия стран и городов, рек и морей...

*Из-за моря, моря синего,
Из славна Волынца, красная Галичья,
Из тоя Карелы богатые,
Как ясен сокол вон вылетывал
Как бы белой кречет вон выпархивал
Выезжал удача доброй молодец...*
(Кирша Данилов, 3).

*Была как тут матушка Волга река,
Широка и долга она, —
Прошла она мимо Казань, Рязань
И мимо Астрахань.*
(Рыбн. 132).

²⁴ В. Я. Пропп. Изд. 2, с. 446.

Богатыри съезжаются в Киев из разных городов и мест: «От красного града от Волынца, по привольной реке под Дунаеви Иде удал-добрый молодец» (Рыбн. 216), «Из славного Ростова, красна города» (Кирша Данилов 20), «Молодой боярин Дюк Степанович выезжал из города из Галича» (Рыбн. 106). Их упоминание исторически оправдано. Точные географические названия выполняют эстетическую функцию: они приближают сказителя, его слушателей и современных читателей (в этом проявляется чувство патриотической солидарности времен и поколений) к той обстановке и месту, где происходит действие былины, делают их достовернее:

*Проехать дорожку прямоезжую
Из города из Мурома до города до Киева;
10 Окольная та дорожка тридевяносто верст
Пряма та дорожка девяносто верст.*
(Григ. I, 2).

Детализация уточняет топографию, легко переносит нас в далекие времена:

*Чурила живет не в Киеве,
А живет пониже Малого Киевца.*
(Кирша Данилов, 18).

Географические названия помогают передать чувство гордости, описать богатство и природу Древней Руси:

*Что ни лучшие богатыри во Киеве Реки-то озера ко Новугороу,
Золота казна-то во Чернигову. Мхи-то болота ко Белоозеры,
190 Цветно платье в Нове-городе, Широки раздолья ко Опскому,
Хлебны запасы Смоленца городу. Темные леса ко Смоленскому...*
(Гильф. 66). (Гильф. 138).

В заповках и концовках, не столь тесно связанных с сюжетом, который большей частью сохраняет свойственную ему локализацию, сказители значительно расширяют ее и со временем вводят в былины новые географические названия.

Характерно расширение былевой «географии» за счет своих родных мест. Обычно эти названия вовлекаются в шуточные скоморошья концовки: «Колокольные звоны в Новограде, сладкие напитки в Петербурге городке, сладкие калачики Новолдожские, дешевы поцелуи Белозерские» (Рыбн. 209) или «А раструбисты сарафаны по Моше по реке, а худые сарафаны в Каргапольской стороне» (Рыбн. 161, 194, и др.).

Образное значение географических названий определяется общенародными историческими представлениями и переживаниями, не требующими индивидуальной уточняющей характеристики. Поэтому в былине, как правило, значение названной местности или отношение к перечисляемым городам, в соответствии с особенностями жанра, не описывается,

а выражается в самом географическом названии, в его структурно-содержательных видоизменениях.

Подобно собственным именам, географические названия выступают в ведичальной и экспрессивно-суффиксальной форме.

Величальная форма названий рек, городов, стран создается сочетанием с постоянными эпитетами или выступающими в их роли словами: «Славный Киев-град», «В славном великом Новеграде», «от славного города Муром», «на матушке на Сороги-реки» (Сок. Чич. 243), «Матушка Кама-река» (Гильф. 203), «Мать, Непра-река» (Гильф. 36), «Матушка река Волхов» (Б.С. 12). Величание усиливается эпическими повторами: «Да берегли-стерегли стольные Кизв-град, до стольне Киев-град, да славный Киев-град, да Стольне-Киевский» (Б.С. 11).

Суффиксально образованные названия городов и мест так же, как соответствующие формы собственных имен, выполняют эстетическую функцию: они передают оценку, восхищение, чувство родственной связи. Кроме того, они энергично поддерживают «певучую гармонию размера», как назвал былинный лад В. Г. Белинский:

«Приезжали в Рязанюшку Великую» (Григ. II, 17); «Да у меня бы во Корелушки в богатой» (Григ. II, 18); «А доселе-то Рязанюшка слободой слыла» (Григ. II, 14); «А от той ле Карелки пребогатой» (Б.С. 90).

В своем разнообразном выражении географические имена используются как художественный элемент в составе некоторых гипербол и эпических утроблений. Здесь имена стран и городов тоже вполне конкретны и благодаря историческим ассоциациям вносят в гиперболу определенное содержание. Так, представление о могуществе врага (Сокольника или поганого Идолища) создается гиперболой, рисующей непомерно широкий охват территории, на которой нет ему равного поединщика: «Я проехал Швецию, Турецию, Казань, Рязань и Астрахань и не мог найти поединщика, по плечу себе сопровитника» (Рыбн. 130).

Подобная гипербола с упоминанием названий городов Древней Руси создает яркий эмоциональный образ далекой поездки богатыря и силы наложенной им на себя заповеди:

— Уж я кдал же таку заповедь великую,

А великую заповедь тяжелую;

Приковал я свою сбрую да богатырскую,

25 Приковал я во городе, во Муроме;

И не откаивать до города до Киева,

И отковать мне будет да во Чернигове.

(Григ. II, 73).

Названия рек выступают с такой же поэтической функцией: кроме точного топографического значения, они усиливают эпическую атмосферу гиперболы о тяжести первого подвига богатыря, когда, например, звучат в материнском предостережении Добрыне:

10 — Ой еси ты, молодой сынок,

Молодой сынок, ты Дюк Степанович,

Молодешенек ты, лет шестнадцати,
 Не съездить тебе прямой дорожкой.
 Ехать надо по Волхову,
 С Волхова надо ехать на Свиру-реку,
 15 По Свиры реки есть шатер быстер,
 Есть шатер быстрой, поворот крутой.
 Слыхала я от твоего родителя
 По тому шатру живет змея лютая,
 20 Много молодцев повыбила,
 Много кораблей повывела.
 (Б.П. и З. б. 28).

Географическая символика помогает создать гипербоду — похвалу раздольной игре на гуслях: «Он с Кеева играл да все до Новаграда, Ай с Новаграда играл все до Киева» (Гильф. 43). Реже оценка игры Добрыни (на свадьбе своей жены) дается без гиперболы: «Он наигрыши выигрывал хорошие» (Б.С. II), «Весь мир-то повел да на весельицо» (Гильф. 73); былина находит также форму высказывания об игре Добрыни и о его странствиях, не прибегая к географической символической:

165 Садился Добрыня на шестоцек,
 Он струны натягивал во Киев-град;
 Другу натягивал похождение свое;
 Выигрывал прихожденияще.
 (Сок.-Чич. 249).

Географическая символика, примеры которой весьма многочисленны в былинах, возможна благодаря характеристической функции названий местности, которые имеют образное значение.

Особую группу географических названий составляют эпические топографические обозначения, образовавшиеся в процессе становления и развития былины из архаических теперь, но когда-то определенных, конкретно-исторических представлений. Образные эмоциональное восприятие этих названий поддерживается употреблением их по аналогии в различных былинах и прочно удерживается в памяти народа благодаря особой значимости: «Из-под дуба, дуба из-под серого, из-под того камня из-под Латыря...» (Сок.-Чич. 40); «Подбегает он ко грязи той ко Черные, ко славной березы ко покляные, Ко тому кресту ко Леванидову, Ко славенькой речки ко Смородинке (Рыбн. 4). Сафат-река (Жирша Данилов 20), Сахатарь-река (Рыбн. 199), город Латырь (Григ. I, 4), земля Сарацинская, поле Идольское (Григ. II, 25) и т. п. В народном толковании эпические имена имеют постоянное образное значение. Река Смородовка, Смородинка-сморданная река²⁵, губящая все живое, или Оманая река (Б.С. 23). Остерда, как отмечалось выше появилось угрожающее имя врага: «Уж ты чужда Калин Смороинович» (Гильф. 304). Сарачина, Сарацинская земля всегда употребляется для обозначения

²⁵ В. И. Еремина. Метафорический эпитет. Изв. АН СССР, сер. Литература и язык, т. XXVI, вып. 2, 1967, с. 146.

иноземного края или враждебной силы. *Пучай река* — легендарно-фантастическая река. Исследователи считают, что народная фантазия связывает с этим местом архаическое древнее представление о змееборстве, в этом же имени-образе видят поэтическое изображение борьбы с язычеством, а также конкретный рубеж, отделяющий Русь от враждебных земель²⁶. Некоторые эпические названия принято относить к топонимике восточно-славянского фольклора: «*Киян-море*», «*Окиян-море*» — средневековое русское название Ботнического залива. Остров Буян («*Плыли туры ды на Боян остров*» — Григ. I, 69) — остров Руян, на котором были меловые утесы; под эпическим названием *Латырь-камень* усматривают янтарь-камень²⁷.

При изучении художественной функции былевых географических обозначений представляют интерес, как и в собственных именах, народные толкования различных названий. Они развивают образное значение географического термина и порождают новые обозначения. «*Как заехал на славную на Палач-гору Афонасьеву, материнска наказа не слушался; На славной на Палач-горы Афонасьевой много пресечено удалых добрых молодцев, много лежит буйных головушек*» (Рыбн. 130). Появляются новые географические названия *Гора Окатова* (Григ. I 75), *Скат-гора* (Григ. I, 26), *Оскат-гора* (Рыбн. 196), *Бугры-горы* (Рыбн. 104), *Сервалюц-камень* (Рыбн. 110) и др.

Народные этимологические представления заложены во многих новообразованных географических названиях: «*Он справляется да вооружается на Полян на гору на высокую*» (Гильф. 218, Сок.-Чич. 171, 188), «*поеду на заставу великую, Ко тому-то ко дубу Неведу*» (Сок.-Чич. 131), река *Чернава* (Волхов) по имени девушки Чернавы — самой «земной» из всего окружения морского царя, «*Возьми ты девушку поваренную, поваренную, что которая хуже всех*» — (Кирша Данилов, 47); она выступает в образе невесты и в образе реки: Садко в подводном царстве «*ту Чернаву любовал, брал за себя в замужество*», а «*проснется Садко — около реченьки Чернавы-то*» (Гильф. 70).

Таким образом, географические названия выступают как поэтизация истории, как яркий образный элемент былины.

Они несут в себе эстетическую оценку, заменяя развернутое описание, и вместе с личными именами героев и персонажей былин органично входят в их художественную образность.

Февраль, 1973

Вильнюсский гос.
университет им. В. Касюкаса

²⁶ В. Я. Пропп. Изд. 2, с. 188, В. Г. Смолницкий. Былина о Добрыне и змее. Русский фольклор. Т. XII. М.-Л., 1971, с. 186.

²⁷ В. Б. Вилинбахов. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора. Русский фольклор. Т. II, М.-Л., 1968, с. 177.

ЛИТВА

НАРОД

СТРАНА

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

ЭПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СОСЕДНЕЙ СТРАНЫ

ДАЛЬНЯЯ СТОРОНА

КНЯЗЬ.
ДРУЖИНА.
СЛУЖБА

ВРАЖЕСКОЕ
ВОЙСКО

РАС-
СТОЯНИЕ. КО-
РОЛЬ. КОРОЛЕВ-
СТВО

СЮЖЕТЫ О ВОИНСКОМ
СТОЛКНОВЕНИИ

СЮЖЕТЫ О ЖЕНИТЬБЕ

Добрыня и Василий
Казимирович

Добрыня
и Алёша

Первая поездка
Ильи Муромца

Бой Ильи
Муромца
с сыном

в братьях
Лыбихах
(наезд
литовцев)

Королевичи
из Кракова

О Дюке

Илья
Муромец
и Калин-царь
(Камское побоище)

в Думале

Добрыня
и Алёша

Три
поздки

О Сорока
Каликах

Молодец и
Коралевна

О Ставре

О Патыке

Иван Годинович

○ Молодость Чурилы

○ Сауля Лебанидович

○ Соловей Будимирович

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Детализация об-
раза

Постоянная сюжет-
ная роль

Упоминание или перенос из других сюжетов

Поэтические формулы и постоянные эпитеты

Локализация направленности движения в сю-
жете

VARDŲ POETIKA BYLINOSE

N. MITROPOLSKAJA

Re z i u m ė

Vardų poetikai epas teikia didelę reikšmę. Įprasminimas vardo substantyvumas ir jo aiškinimas siejasi su herojinio epo idėjomis bei paveikslais, jo menine orientacija herojizuoti bei idealizuoti karžygius. Siekimas suvokti bylinas kaip žodinę poetinę kūrybą kelia reikalą tyrinėti tikrinių vardų vartosenos meninę pusę, jų estetinę funkciją bylinose.

Straipsnyje analizuojami šlovinantieji vardai, mažybiniai-maloniniai ir niekinamosios tikrinių vardų formos, liaudiška-etimologinė vardų ir pavadinimų poetizacija, negatyvaus socialinio charakteringumo vardai, kurie priskiriami pasmerkimo ir išjuokimo poetikai. Geografiniai pavadinimai bylinose ne vien lokalizuoja veiksmą, bet ir vaizdingai išreiškia Tėvynės temą. Jie, kaip meninis elementas, įeina į hiperbolių bei epinių formuliariinių išsireiškimų sudėtį.

POETICS OF NAMES IN RUSSIAN EPICS

N. MITROPOLSKAJA

S u m m a r y

Epos attaches great importance to poetics of names. Intelligent substantivity of names and its interpretation are connected with the ideas and images of heroic epos, with its artistic aim towards heroism and idealization of Russian epic heroes. Striving for understanding of Russian epics as poetical verbal creation evokes the necessity of studying the artistic value in the usage of names, their aesthetic function in Russian epic.

The paper deals with the majestic and pet names, with slighting forms of proper names, with folk-etymological poeticization of names and denominations, with names of negative social reference that are attributed to the poetics of censure and mockery. Geographical denominations in Russian epic do not only locate the place of action but also express Motherland's theme in an image-bearing way and, as an artistic element, are part of the composition of hyperboles and epic formulative expressions.